

**ПОД
КОРОТКИМ
ПОВОДКОМ**

18+

Айнагуль Рабаева

Под коротким поводком

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73376993

SelfPub; 2026

Аннотация

Рустем привык выживать. Скромная работа на складе, долги, пустой холодильник – его жизнь давно держится на тонком балансе. Когда ему предлагают «подработку на одну ночь», выбор кажется простым. Один рейс – и кредит можно закрыть. Но лёгкие деньги не бывают свободными. Оказавшись внутри криминальной системы, где за ошибки не ругают, а исчезают, Рустем быстро понимает: его втянули не в дело, а в механизм. Здесь всё решают тихие договорённости, чужие правила и люди, которые улыбаются слишком вежливо. Каждый шаг затягивает узел туже. И чем короче становится поводок, тем яснее одно – выйти из игры невозможно. Можно только заплатить. Вопрос лишь в том, чем.

Айнагуль Рабаева

Под коротким поводком

Рустем вставал рано. Слишком рано. Каждый день его будоражил один и тот же кошмар – он падал в глубокий колодец, на дне которого лежала пачка денег, а стены были облеплены квитанциями на оплату кредита. Он просыпался за час до будильника, в поту, с колотящимся сердцем, и уже не мог заснуть. Лежал в темноте, слушая, как за стеной храпит сосед, и думал о том, как прожить этот день.

Он мало кушал – чаще всего это был чёрствый хлеб с дешёвым сыром и сладкий чай, сваренный в немытом чайнике. Его желудок давно привык к скудной пище и лишь изредка ныл, напоминая о былых студенческих временах, когда можно было позволить себе шаурму после лекций.

Перед уходом он всегда боролся со старой дверью. Дерево разбухло от времени и сырости, железная коробка замка криво сидела в косяке. Нужно было приподнять полотно, надавить плечом и резко повернуть ключ. Иногда с третьей попытки, с тихим проклятием на губах. Сегодня дверь поддалась с первого раза, и Рустем воспринял это как мелкий знак удачи.

Он шёл на работу пешком, экономя на транспорте. Путь лежал мимо спящих ещё киосков, запертых на амбарные замки. Ветер гонял по асфальту обёртки и пыль. И сегодня, как иногда бывало, его взгляд выхватил из серости тротуара смятую бумажку. Он наклонился – пятьдесят тенге. Сердце ёкнуло от глупой, детской радости. Подобрал, расправил купюру, сунул в карман. Это был завтрак. Или добавка к ужину. Маленькая победа в войне за существование.

Он работал на складе автозапчастей. Огромный ангар, похожий на железного монстра, дышал запахами машинного масла, бензина и вечной, всепроникающей пыли. Этот запах был сильнее любого одеколona. Он въедался в волосы, кожу, ткань одежды, становился частью тебя. Рустем менял робу на ржавый крюк у входа и погружался в полумрак, разбитый лишь тусклыми лампами дневного света. Его мир теперь состоял из коробок, накладных и бесконечных стеллажей.

Денег едва хватало на комнату в общежитии и на еду. На большее – на новую куртку, на поход в кино, на книгу – не оставалось. Выбора не было. После университета, где он изучал экономику и верил в светлое будущее, он так и не нашёл нормальной работы. Рассылал резюме, ходил на собеседования, где ему вежливо улыбались и обещали «перезвонить». Не звонили. А кредит, взятый когда-то на лечение матери, висел на нём тяжёлым камнем, увлекая на дно.

Вечер того дня выдался особенно промозглым. Осенний дождь моросил назойливой изморосью. Руستم шёл домой, уставший до онемения в костях, когда из-под арки соседнего дома вышел человек.

Незнакомец был молод, одет в хорошую, но неброскую куртку. Его улыбка была широкой, искренней, светила ма-нящей, почти дружеской добротой. Но что-то в этой доброте было слишком ярким, нарочитым, как у актёра, играющего роль.

– Руستم? – спросил незнакомец, и голос его звучал тёпло и уверенно.

Руستم насторожился. Как этот человек знает его имя?

– Да. А вы?

– Можно называть меня Ерлан. Слышал о твоей ситуации. Хочу предложить выход. Подработку на одну ночь.

Он говорил плавно, завораживающе, как гипнотизёр. Суть была проста: нужно перевезти груз через границу. Сидеть рядом с водителем, в случае вопросов говорить, что везешь запчасти для друга. Одна ночь – и сумма, которую Ру-стем не видел за полгода.

Руستم слушал, и внутри у него всё сжималось в холод-

ный комок. Он сразу понял – дело грязное. Контрабанда. Наркотики, оружие, что-то ещё. Но в словах Ерлана, в самой его манере держаться, сквозила не просто просьба. Сквозила угроза. Мягкая, завуалированная, но читаемая между строк: отказ будет означать проблемы. Большие проблемы.

Он колебался всего несколько секунд. Вспомнил взгляд банковского клерка, когда он просил об отсрочке. Вспомнил пустой холодильник. Вспомнил, как мать перед смертью просила его не зарываться в долги. Он уже был в них по уши.

– Хорошо, – тихо сказал он, не глядя в глаза Ерлану. – Я согласен.

В ту же ночь, в условленном месте, его ждала старая «девятка» цвета мокрого асфальта. Рулем сел на пассажирское сиденье. За рулём сидел незнакомый мужчина.

Он был высокий, плечистый. Его лицо в свете уличного фонаря казалось вырезанным из гранита – жёсткие скулы, плотно сжатый рот, глубокие складки у губ. Взгляд тяжёлый, исподлобья, будто привыкший видеть в каждом встречном потенциальную угрозу. Его руки, лежавшие на руле, были большими, с узловатыми суставами и сбитыми костяшками пальцев – руки человека, который не раз дрался и знал в этом толк.

– Саян, – коротко бросил он, не оборачиваясь, как будто представлял не себя, а называл марку автомобиля или погодные условия.

Рустем кивнул, сжал колени, чтобы они не дрожали. В голове вертелись десятки вопросов: куда едем? что везем? что будет, если поймают? Но язык будто прирос к нёбу, стал тяжёлым и ватным. Страх, густой и липкий, заполнил собой всё пространство салона.

Машина рванула с места и нырнула в тёмный провал между домами, вынырнув на пустынную ночную трассу. И с этого мига, с рева старого мотора и запаха бензина, начиналась его новая работа. Работа, которая изменит их обоих, переплетёт их судьбы в тугой, кровавый узел.

Спустя час молчания, когда городские огни остались далеко позади и вокруг была только чёрная степь, Рустем не выдержал.

– Саян... а что за груз? – спросил он, и его голос прозвучал хрипло и чужим.

Саян повернул к нему голову на долю секунды. В его глазах мелькнуло что-то – раздражение? презрение? усталость?

– Самый банальный груз, как ты не догоняешь? – его голос был ровным, без интонаций. – Наркотики само собой.

Порошок. В багажнике, под двойным дном.

Рустем молча кивнул.

– Понятно, – прошептал он, хотя ничего не было понятно. Теперь страх обрёл конкретную форму, имя и вес. Он сидел рядом с водителем, прижимая ладони к коленям, и чувствовал, как каждая кочка под колёсами отдаётся в его напряжённом теле.

В салоне гудел изношенный мотор, пахло бензином, старым кожаном и чем-то ещё – затхло опасностью. Это был его первый «рейс». Крещение огнём, которого он не просил.

Саян вёл машину с абсолютной, почти медитативной концентрацией. Руль в его руках казался продолжением тела. Он молчал, и это молчание было громче любой музыки, давило на барабанные перепонки, нагнетая тревогу сильнее любой ругани или угроз.

– Саян... – снова попытался заговорить Рустем, нуждаясь хоть в каком-то звуке, чтобы разорвать эту давящую тишину.

Тот лишь бросил на него быстрый взгляд из-под нахмуренных бровей, и в этом взгляде было одно чёткое, беззвучное приказание: «Тише. Заткнись и сиди».

И тут в зеркале заднего вида мигнули синие огни. Холодная игла страха пронзила Рустема от макушки до пяток. Сердце рухнуло куда-то вниз, в желудок. Саян плавно, без рывка, сбросил скорость и прижался к обочине.

Впереди, в сиянии мигалок, стояла патрульная машина. Возле неё – двое в полицейской форме. Один из них, старший по виду, с фонарём в руке, неторопливо подошёл к водительскому окну.

– Документы, – произнёс он ровным, безразличным тоном профессионала, светя фонарём прямо в лицо Саяну.

Тот, не моргнув глазом, спокойно протянул пачку бумаг: права, техпаспорт, какие-то справки.

Второй, помоложе, обошёл машину, заглянул в салон лучом своего фонаря. Свет скользнул по бледному лицу Рустема.

– Багажник откройте, – добавил он, уже стоя у задней части автомобиля.

И вот тут Рустем почувствовал, как по его спине, под мокрой от пота футболкой, скользнула ледяная струйка. Он знал. Он точно знал: если откроют – конец. Тюрьма. Позор. Конец всему, даже этой жалкой, но своей жизни.

Саян медленно, с преувеличенной чёткостью, вышел из машины. Сделал два неспешных шага навстречу старшему полицейскому. Они стояли так близко, что Рустем из салона видел, как пар от их дыхания смешивался в холодном воздухе.

И тогда Саян произнёс. Его голос был ровным, чуть хрипловатым, без тени волнения. Он сказал всего четыре слова:
– Мы же договорились.

Луч фонаря в руке полицейского дрогнул, описав в воздухе короткую дугу. Сотрудник на миг замер, будто обрабатывая эту информацию. Потом, почти незаметно, коротко кивнул. Он обернулся к напарнику:

– Всё чисто. Езжайте. И побыстрее.

Саян так же медленно вернулся за руль, завёл мотор. «Девятка» тронулась, набирая скорость, оставляя позади синие мигалки.

Рустем сидел, не двигаясь, пытаясь осмыслить произошедшее. Что это было? Взятка, переданная заранее? Старая договорённость? Или... сам Саян когда-то работал на этих людей? Мир, в который он вступил, оказался сложнее и страшнее, чем он думал. Это был мир теневых соглаше-

ний, немых договоров, где жизнь такого, как он, стоила явно меньше, чем содержимое багажника.

Оставшуюся часть пути до места встречи с «работодателем» они ехали, нарушая тишину лишь шумом двигателя. Наконец, Рустем не выдержал.

– Саян... как давно ты здесь работаешь? – спросил он, пытаясь хоть как-то нащупать почву под ногами в этом новом, зыбком мире.

– Около двух месяцев, – последовал короткий ответ.

– Немного, по сути, – пробормотал Рустем, больше для того, чтобы сказать что-то.

Саян фыркнул, и в этом звуке впервые прозвучала эмоция – горькая усмешка.

– Немного? – переспросил он. – Друг мой, здесь одна ошибка – и ты труп. Нам сегодня просто повезло, что тех легавых я знал. Иначе закрыли бы нас в ту же секунду. А знаешь, сколько дают за поставку наркотиков в таком объёме? Я тебе скажу: с таким весом с нами никто даже разговаривать не станет, не то что взятку брать. Им выгоднее будет нас «закрыть» и выслужиться.

Эти слова, произнесённые спокойным, будничным тоном, упали в салон, как камни. Рустем сглотнул. Он представил

себе не абстрактную «тюрьму», а конкретную камеру, срока, потерянные годы. Или пулю на обочине, как «при попытке к бегству».

Дальше они доезжали в гробовом молчании. И лишь перед тем, как остановиться у очередного невзрачного пятиэтажного дома, Саян сказал, не глядя на напарника:

– Сейчас познакомишься с нашим старшим. С тем, кто за нас с тобой будет замазывать, если что. Держи ухо остро.

Подъезд пах сыростью, старым табаком и тлением. Стены были покрыты слоями облупившейся краски и похабных надписей. На третьем этаже Саян постучал в дверь особым кодом: два отрывистых удара, пауза, один протяжный. Ответ последовал почти мгновенно – щелчок замка, и дверь открылась.

На пороге стоял мужчина. Лет сорока, не больше. Высокий, подтянутый, с аккуратной короткой стрижкой. На нём была простая хлопковая рубашка с закатанными по локти рукавами, открывавшая жилистые предплечья. Но главным было его лицо. Оно озарилось широкой, по-настоящему тёплой улыбкой, в которой читалось неподдельное радушие.

– Саян! – его голос звучал так, будто они встретились не среди этих унылых бетонных стен, а в уютном родном до-

ме. – Ну наконец-то. Проходи, проходи! И друга своего веди, не стесняйся.

Он распахнул дверь шире, и они вошли. Контраст был ошеломляющим. Вместо ожидаемого притона – уютная, почти аскетичная комната. Чисто, просто. В воздухе витал аромат свежесваренного чая с травами – мята, может чабрец. На деревянном столе стояла глиняная миска с простым печеньем, лежала стопка газет и раскрытая книга, заложенная старой трамвайной картой. Уютная лампа под абажуром бросала тёплый круг света. Всё это выглядело так по-домашнему, так нормально, что Рустем на секунду забыл, зачем они здесь, забыл про багажник со смертельным грузом, про полицейских на трассе.

– Садитесь, пожалуйста, – жестом пригласил их хозяин дома, указывая на стулья у стола. – Я – Нурлан.

– Рустем, – пробормотал парень, не зная, нужно ли протягивать руку для рукопожатия в такой ситуации.

Но Нурлан сам протянул свою руку – сильную, с цепкой хваткой. Он пожал руку Рустема крепко, но не сокрушительно, а по-деловому, с лёгким, ободряющим нажимом, как настоящий хозяин, встречающий гостя.

– Очень приятно, Рустем. Очень.

Он разлил чай по простым, без изысков, стаканам, сам присел напротив и снова улыбнулся, но теперь его взгляд стал более сосредоточенным, изучающим.

– Знаете, – начал он спокойно, задумчиво покручивая свой стакан, – я всегда искренне рад, когда Саян приводит ко мне новых людей. Особенно умных. Это значит, что дело наше живёт и развивается.

Он отпил глоток чая и продолжил, его голос приобрёл лёгкие, но чёткие учительские нотки.

– Ты молод ещё, Рустем... Глаза горят, в голове, я вижу, планы. Но раз уж взялся – слушай внимательно и запоминай. Здесь, в нашем деле, за ошибки не ругают. Здесь за ошибки исчезают. Бесследно. Я знаю, Саян умеет работать чисто и тихо. У него чутьё. А вот тебе, друг мой, придётся учиться. Эта дорога не любит горячих голов и скорых решений. Груз ты сегодня доставил хорошо. Молодец. Но это, поверь, только самое начало. Дальше будет и сложнее, и тяжелее.

Рустем слушал, и ледяная прозрачность этих слов проникла внутрь, вытесняя последние остатки эйфории от удачного рейса. Он собрался с духом.

– Это всё, конечно, интересно и... познавательно, – начал он осторожно. – Но позвольте спросить. Зачем я вообще понадобился? Почему я пошёл с Саяном, если он и один мог

справиться? Водить-то он умеет.

В этот момент Нурлан, не прерывая зрительного контакта, потянулся к полке рядом со столом и взял пару тонких резиновых перчаток. Он начал неторопливо натягивать их на руки, и этот простой бытовой жест в контексте разговора приобрёл зловещую, хирургическую точность.

– Организации, – ответил он, расправляя резину на пальцах, – всегда выгодно менять курьеров. Чтобы одни и те же лица не маячили перед глазами у легавых и не отпечатывались в памяти у конкурентов. Понимаешь? Сегодня – один, завтра – другой. Шаблон ломается, след теряется. А кроме того... – он посмотрел прямо на Рустема, – ...всегда полезно иметь в команде человека без судимости. С чистой биографией. С наивностью во взгляде и... здоровой жадой зарабатывать. Как раз сегодня ты и заработал. И мы увидели, на что ты способен.

Рустем кивнул, но внутри зашевелился червь сомнения. Он вспомнил про главную свою цепь.

– Но у меня ведь кредит, – выпалил он, как будто это было какое-то оправдание или объяснение. – Мне эти деньги, они... очень нужны.

Саян, до этого молча сидевший в стороне, вдруг поднялся

и без слов отошёл к окну, отвернувшись, давая понять, что дальнейший разговор его не касается.

Нурлан же откинулся на спинку своего стула, приподнял стакан с чаем к губам, и на его лице вновь появилась та же, лёгкая, почти отеческая улыбка.

– Кредит, говоришь? – переспросил он, и в его голосе зазвучала мягкая, но неумолимая логика. – Это не грязь, Рустем. И не клеймо. Это всего лишь инструмент. Поводок. Короткий, удобный поводок, чтобы держать человека рядом и направлять его в нужную сторону. Потому что человек с долгами, с обязательствами, он всегда будет искать деньги. Значит – он всегда будет мотивирован. Значит – он будет слушаться. Таких людей любят. Таких берут в дело. Ими удобно управлять.

Он сделал паузу, давая словам просочиться в сознание. Его взгляд стал внимательнее, почти ласковым, но от этой ласковости становилось не по себе.

– А ведь ты сидишь здесь и спокойно слушаешь меня только благодаря моей личной доброте, понимаешь? Я с тобой разговариваю. Спокойно. Без криков, без угроз. По-человечески. А Саян, кстати... – Нурлан кивнул в сторону окна, где стоял его подручный, – ...вышел куда-то. Кто знает? Может, за ножом пошёл. Точилку проверить. А может, вернётся – и прикончит тебя прямо тут, на этом стуле, за твой глупый

вопрос про кредит.

Он чуть прищурился, наблюдая за реакцией, и вдруг улыбнулся ещё шире, разряжая нагнетённое напряжение.

– Но не бойся. Если уж он тебя сюда привёл – живым и невредимым – значит, ты пока ещё стоишь того, чтобы жить. Ты прошел первый фильтр. И да, – он хлопнул себя по лбу, будто вспомнив, – чуть не забыл самую приятную часть. Деньги. Видишь тот шкафчик? Открой.

Рустем, всё ещё находясь под впечатлением от только что услышанного, механически встал, подошёл к указанному настенному шкафчику и открыл его.

Внутри, на полке, ровными рядами лежали пачки. Плотные, прямоугольные, перетянутые бумажной банковской лентой с оттиском. На каждой – сумма: 250 000 тенге. Их было много. Десять, пятнадцать, может больше. Целое состояние в деревянной коробке.

– По пакетам расфасовано, – пояснил Нурлан. – У вас сегодня был тяжёлый, ответственный груз. Рисковали. Поэтому бери шесть. Три – для себя. Три – передашь Саяну. Но, смотри, умный совет от старшего: не торопись сразу всё нести в банк и платить по счетам. У налоговой начнутся вопросы: откуда у парня со склада такие суммы? Плавно, по-

степенно. Понял?

Рустем замер. Он никогда в жизни не видел столько денег, собранных в одном месте. Его руки, когда он потянулся за пачками, слегка дрогнули. Он ощутил вес – не только физический, но и моральный. Шесть кирпичей. Полтора миллиона. Он выложил их на стол рядом с чашками.

– Давай-давай, не робей, – подбодрил его Нурлан, снова присаживаясь и отхлёбывая чай. – Деньги любят смелых. И тех, кто умеет их брать, когда дают.

Рустем смотрел на ровные стопки, и сердце у него колотилось где-то в горле, бешено, как у загнанного зверя. «Это что, мне?.. – стучала в висках единственная мысль. – Настоящие?.. За одну ночь?»

Саян, вернувшийся к столу, спокойно, будто так и надо, взял три пачки и отодвинул их к краю стола, к себе. Остальные три он лёгким движением подтолкнул в сторону Рустема.

– Твоя доля, – бросил он коротко, без эмоций.

У Рустема пересохло во рту. Он чувствовал, как ладони становятся влажными. В голове пульсировал нелепый, детский вопрос: «Моя часть? За что? Я же просто сидел и бо-

ялся... Я просто помог отвезти...»

Нурлан, будто угадав ход его мыслей, снова улыбнулся своей обволакивающей, опасной улыбкой.

– Видишь, парень, здесь всё до примитивности просто. Чистая механика. Выполнил задачу – получил вознаграждение. Без лишних бумаг, без расписок в получении, без выговоров от начальства и корпоративных собраний. Прямо и честно. Но помни... – его голос внезапно стал тише и значительнее, – ...за такие деньги, за такую простоту, платят и другими вещами. Иной валютой.

Он наклонился вперёд через стол, и его глаза, тёплые ещё секунду назад, стали пронзительными и холодными, как сталь.

– Иногда платят свободой. Иногда – кровью. Своей или чужой. Цена всегда есть. Всегда.

Тишина, воцарившаяся после этих слов, была красноречивее любых угроз. В ней звучало будущее. Тяжёлое, неизбежное и купленное сегодняшней ночью за полтора миллиона наличными.

Рустем и Саян вышли из подъезда, и тяжёлая дверь с глухим стуком захлопнулась за их спинами, будто отсекая мир Нурлана от остального города. Вечерний воздух был холод-

ным и сырым, пахло первым осенним ледком и гарью от далёкой котельной. Рустем шёл чуть позади, прижимая к груди простой полиэтиленовый пакет из супермаркета. В нём, под свёртком со старой газетой, лежали шесть плотных кип купюр. Он чувствовал их вес каждой клеткой своего тела – не физический, а скорее метафизический, как будто он нёс не деньги, а собственную, только что проданную душу, упакованную в целлофан.

Они молча дошли до машины. Рустем сел на пассажирское сиденье, поставил пакет на колени и не удержался. Он расстегнул верх, заглянул внутрь, затем, озираясь по сторонам, хоть на улице никого не было, достал одну пачку. Банковская лента, хрустящая, новая. Он провёл пальцами по шершавой поверхности купюр, ощутил их ребристый край. Потом достал вторую. И третью. Он не мог остановиться. Ему нужно было видеть их, осязать, подтверждая реальность происходящего. Его пальцы, привыкшие к грубой упаковочной ленте и грязным деталям, дрожали, перебирая плотные стопки.

– Это жость, Саян, – выдохнул он наконец, и голос его сорвался на смешок, полный истеричного восторга и неверия. – Я бы за год на складе столько не накопил. За два! Может, и за три!

Саян, уже заведя мотор, бросил короткий, испепеляющий взгляд на его руки.

– Сколько ни трогай, а больше не станет, – проговорил он с плохо скрываемым раздражением. – Убери уже. Надоело смотреть.

Его тон был как удар хлыста. Рустем вздрогнул, поспешно, почти с виной, засунул пачки обратно в пакет и крепко завязал ручки в тугий узел. Но даже держа свёрток на коленях, он чувствовал его магическое излучение, тепло, исходящее от бумаги.

Машина тронулась, но вместо привычного маршрута к общаге Саян неожиданно свернул в сторону, к освещённой фонарями автобусной остановке на окраине спального района.

– Куда? – насторожился Рустем, инстинктивно прижимая пакет к животу.

– Мою сестру подвезём. Марьям, – коротко бросил Саян, притормаживая у тротуара.

У остановки, под слабым светом фонаря, стояла женщина. Она не ёжилась от холода, не переминалась с ноги на ногу. Она стояла неподвижно, как скала, в длинном тёмном пальто, с сумкой через плечо, и смотрела куда-то вдаль, за линию многоэтажек. На вид она была старше их обоих – лет

двадцати пяти, может, чуть больше. Но дело было не в возрасте. Дело было в её позе, в спокойном, усталом и невероятно внимательном взгляде, который она обратила на подъезжающую машину, в строгой осанке. Казалось, сама жизнь, со всей своей тяжестью и несправедливостью, давным-давно приучила её держать спину прямо, а эмоции – под жёстким, бескомпромиссным контролем.

Она села на заднее сиденье, кивнув Саяну, и её взгляд на долю секунды задержался на Рустеме. Оценивающий, проницательный, без капли дружелюбия или простого любопытства. И сразу же – переместился на полиэтиленовый пакет у него на коленях. На его неестественную, прямоугольную бугристость.

В салоне запахло лёгкими духами – не цветочными, а какими-то древесными, холодными – и едва уловимым запахом больничного антисептика.

– И что это у вас за игрушки? – спросила Марьям тихо. Её голос был низким, ровным, и в нём не звучало вопроса. Звучало констатация факта и скрытое за ней отвращение.

Рустем смутился так, будто его поймали за воровством конфет в детском саду. Он почувствовал, как горит лицо, и поспешно, неловко, стал заталкивать пакет в пространство

между своим сиденьем и дверью.

– Да так... ничего. Пустяки.

Саян, не оборачиваясь, отмахнулся резким движением руки, будто отгоняя надоедливую муху.

– Работаем. Не твоё дело, Марьям. Сиди тихо, довезу.

Марьям вздохнула. Этот вздох был красноречивее любой тирады. В нём звучала усталость, разочарование и та самая тяжесть, что висела в её осанке. Она поправила прядь тёмных волос, выбившуюся из строгого пучка.

– Моё дело всё, что касается тебя, Саян, – произнесла она, и теперь в её тихом голосе зазвучала сталь. – Всё. И если ты опять влез в то самое болото, о котором я думаю... – она сделала паузу, давая словам висеть в нагнетённой тишине салона, – ...Нурлан же освободил тебя. Вытащил. Дал шанс начать всё с чистого листа. Или этот лист уже исписан такими же грязными цифрами?

Рустем молчал, уставившись в потёртую обшивку передней панели. Он чувствовал себя не просто смущённым, а униженным, как провинившийся школьник перед мудрой и безжалостной учительницей, которая видит его насквозь. И впервые за этот вечер, сквозь дурманящую эйфорию от денег, к нему пробилось странное, леденящее чувство – уважение, смешанное с животным страхом, перед этой женщи-

ной. Она была другой. Она была из того мира, «нормально-го» мира, но смотрела на их тень как бы со стороны, понимая её природу лучше, чем они сами.

Саян уже тронулся, но Марьям не отводила взгляда от спрятанного, но всё ещё угадываемого пакета.

– Вы хоть понимаете, к чему это ведёт? – спросила она, и теперь её речь потекла плавно, как заученная, горькая истина. – Я недавно писала материал. Расследование. Про одного такого же, как вы. Даурен его звали. Умный и очень сильный мужчина. Сначала тоже – просто «подроботать», просто «решить проблемы». Потом деньги. Потом, когда деньги уже не радовали, а лишь создавали новые проблемы, – кровь. Первая кровь, которую он увидел, была не его. Потом была и его. А закончил он всё в колонии строгого режима. И, поверьте мне на слово, – она наклонилась вперёд, и её шёпот стал почти осязаемым в темноте салона, – он бы сейчас всё отдал. Всё, что у него есть, и даже то, чего нет. Чтобы вернуться назад. К тому самому дню. И отказаться.

Саян нахмурился, его пальцы побелели, сжимая руль.

– Ты опять начинаешь со своим морализаторством? – его голос прозвучал резко, сдавленно. – Оставь, Марьям. Это не твои заботы. У тебя своя жизнь, у меня – своя.

Марьям откинулась на спинку сиденья, и на её губах,

в свете проносящихся мимо фонарей, мелькнула горькая, уставшая улыбка.

– Ошибаешься, братишка. Глубоко ошибаешься. Это касается всех нас. Рано или поздно. Тень от этого болота длинная. Она дотянется до каждого.

Они доехали до дома Рустема в гробовом молчании. Саян лишь бросил на прощание: «Будь на связи». Рустем выскользнул из машины, и «девятка» тут же рванула прочь, увозя брата и сестру, погружённых в своё ледяное, многолетнее противостояние.

Рустем зашёл в свою каморку, щёлкнул выключателем. Жёлтый свет лампочки-груши озарил знакомую убогость. Но теперь всё было иначе. Он поставил пакет на стол, словно святыню, и медленно, извлёк своё богатство. Шесть пачек. Он разложил их веером, затем стопкой, затем в ряд. Бумага шуршала, обещая блаженство

Он был голоден. Голоден по-настоящему, не так, как после скудного ужина, а так, как голоден человек, который годы питался крохами. Он нашёл листовку с доставкой еды – ту самую, на которую раньше только слюной сглатывал – и заказал всё, что казалось ему верхом гастрономической роскоши: пиццу с двойным сыром, острые крылья, картошку фри с соусами, большой кусок шоколадного торта. Расплатился

наличными, когда курьер приехал, протянул купюру, не требуя сдачи, и увидел в его глазах удивление – обычно здесь считали каждую сотню. Он наелся так, что стало плохо, ел, жадно, почти не жуя, заполняя пустоту внутри не столько едой, сколько самим фактом возможности.

Потом снова уставился на деньги. Разложил их по стопкам, пересчитал, хотя уже знал сумму наизусть. Ходил по комнате, маленькими кругами, с глупой, не сходящей с лица улыбкой. Он чувствовал себя царём. Хозяином жизни. Человеком, который только что выиграл в лотерею.

И в этот момент, когда эйфория достигла пика, в дверь постучали.

Стук был не громкий, но отчётливый. Три раза. Уверенно. Не как у соседа-алкаша и не как у почтальона.

Всё внутри Рустема сжалось в ледяной комок. Радость испарилась мгновенно, сменившись первобытным страхом. Он замер, не дыша, уставившись на щель под дверью, где мелькнула тень. «Мало ли кто», – пронеслось в голове.

Он медленно подошёл, не открывая, спросил:
– Кто там?

За дверью раздался знакомый, полный опасной лёгкости голос:

– Открывай, свой.

Рустем, с неохотой, отодвинул щеколду. На пороге стоял Ерлан. Тот самый, с того вечера. Он выглядел так, будто только что сошёл со страниц глянцевого журнала – модная короткая стрижка, дорогая, но не кричащая куртка, идеально чистая обувь. И улыбка. Всегда эта улыбка, в которой читалась такая лёгкость, такое пренебрежение ко всему, что от неё становилось по-настоящему страшно.

– Ну что, живой? – Ерлан вошёл без приглашения, окинул комнату одним быстрым, всевидящим взглядом. Его глаза сразу нашли деньги на столе. – А, смотрю, уже прикидываешь, куда бабки потратить? На тачку? На девочек? Или всё в долги?

Рустем замялся, чувствуя, как почва уходит из-под ног. Этот человек нарушал его только что обрётённый мирок.

– Да я... просто не верится ещё, – пробормотал он. Пытаясь взять ситуацию в руки, добавил: – Может, представитесь нормально? А то «Ерлан» – это как-то...

Ерлан рассмеялся, коротко и сухо.

– Ну хорошо, давай официально. Я – Ерлан. Ты – Рустем.

Всё? Или тебе паспорт показать? – Он подошёл к столу и сел на его край, в опасной близости от пачек, свесив одну ногу. – А теперь слушай сюда, и вникай раз и навсегда.

Он помолчал, давая наказующей тишине сделать своё дело.

– Ты теперь в деле. Понимаешь значение этих слов? В ДЕЛЕ. Один раз понюхал эти деньги – обратной дороги нет. Её не существует в природе. Понял? Тут не бывает «передумал», «ой, я не знал» или «отпустите». Если тебя позвали, если ты поехал с Саяном, если ты взял эти бумажки – значит, ты уже под колпаком. На крючке. В системе.

Рустем стоял посреди комнаты, пытаясь переварить эти слова, которые падали на него, как камни. Он хотел возразить, сказать что-то, но язык не слушался.

Ерлан наклонился ближе, и его голос стал тише, интимнее, а от этого – ещё опаснее.

– Но есть и хорошая новость. Если будешь держаться рядом со мной – слушаться, не задавать лишних вопросов, работать чётко – ты не пропадёшь. Я не просто так тебя выбрал из всех этих обитателей складов и подворотен. У тебя башка светлая, это видно. И, что важнее, Саян, похоже, тебе доверяет. А доверие в нашем мире, поверь, дороже любых денег. Это твой капитал.

Он протянул руку и легко, небрежно щёлкнул ногтем по верхней пачке. Звук был сухим, финальным.

– Так что держись, пацан. Не распускай нюни. Всё, что было – только прелюдия. Настоящее начало – вот оно. Сейчас.

В груди у Рустема что-то сломалось. От бессилия, от ясного понимания своей кабалы, от наглости этого человека.

– А... а что если я... передумаю? – выдавил он шёпотом, уже зная ответ, но не в силах не спросить, не попытаться найти хоть какую-то лазейку.

Ерлан перестал улыбаться. Всё его легкомысленное дружелюбие испарилось в мгновение ока. Он не встал, не закрычал. Он просто сидел, молча, несколько секунд, смотря на Рустема своим холодным, не моргающим взглядом. А потом, одним резким, хлёстким движением, ударил его ладонью по лицу.

Удар был сильным, точным, унижительным. Рустем отшатнулся, пошатнулся, в ушах зазвенело, а по щеке разлилось жгучее тепло.

– Это был очень плохой вопрос, – тихо, почти ласково сказал Ерлан. – Ты мне начинаешь не нравиться. Это ты и в заданиях так же сачкуешь? Думаешь, как бы слинять?

Ярость, горячая и слепая, хлынула в Рустема. Он выпрямился, сжал кулаки, тело напряглось, готовое к ответному удару, к драке, к чему угодно. Он встретился взглядом с Ерланом и увидел в его глазах не страх, а спокойное, почти скупающее ожидание. Ожидание этого выпада. И понимание, что он, Ерлан, в любой момент может сделать что-то гораздо хуже.

– Нурлан сказал, что я хорошо справился, – хрипло выдохнул Рустем, отчаянно цепляясь за это имя как за щит.

Эффект был мгновенным. Ерлан, уже открывший рот для следующей фразы, резко замолчал. Его лицо стало непроницаемой маской. На секунду в глазах мелькнуло что-то – расчёт, переоценка. Он явно хотел сменить тему, уйти, оставить всё как есть.

Но Рустем, подхлестываемый адреналином и обидой, не дал.

– Кто для вас Нурлан? – спросил он, глядя прямо на Ерлана. – Почему одно его имя... так действует?

Ерлан медленно прищурился. Он смотрел уже не на Рустема, а куда-то сквозь него, на грязную стену, будто читая там невидимый текст.

– Раз он так сказал... – проговорил он наконец, отчеканивая каждое слово, – ...значит, так оно и есть. Всё. Точка. Мне не к чему придраться. Пока что.

Он поднялся со стола, отряхнул ладони, хотя ничего на них не было.

– Так что я пошёл. Дела.

Он направился к двери. Но на пороге обернулся. Улыбка вернулась на его лицо, но теперь она была ледяной, как полярная ночь.

– И, Рустем... на прощание совет. Нурлан – не простой человек. Далеко не простой. И тебе невероятно повезло, что такой человек... радушно принял тебя у себя дома. Запомни это. Цени.

Он вышел, и дверь закрылась за ним с тихим, но окончательным щелчком. Та самая дверь, которую Рустем с трудом открывал и закрывал каждый день, теперь казалась хлипкой ширмой, не способной защитить ни от чего.

Рустем стоял, прижимая ладонь к горячей щеке. Унижение и страх снова накрыли его с головой, смыв следы недавней эйфории. Деньги на столе лежали мёртвым, немым укором.

Ночью он механически выполнил свой ритуал: умылся холодной водой, почистил зубы, попытался прибрать крошки от пиршества. Лёг в кровать и уставился в потолок. Но сон не шёл. Каждый скрип в старом доме, каждый отдалённый гул машины за окном заставлял его сердце бешено колотиться. Он ждал нового стука в дверь. Шага на лестнице. Звона разбитого стекла. Тревога, живая и цепкая, как лиана, оплетала его всё туже, не давая дыхания, не давая покоя. Он купил себе свободу от долгов. И в уплату получил новый, куда более страшный долг – долг перед системой, из которой, как ему только что ясно дали понять, не было выхода.

А где-то далеко, за сотни километров, в тот самый час, тяжёлые железные ворота колонии строгого режима со скрежетом отворились, выпуская на промозглый рассвет человека по имени Даурен. Он вышел на свободу по УДО, с одним потрёпанным рюкзаком за плечами и нестираемой печатью прошлого на лице. Его никто не встречал. Только ветер гнал по пустынной дороге к посёлку мусор и пыль. Но он знал, что его ждут. Не здесь. В городе. Его ждала Марьям. И это ожидание было началом чего-то нового. Или – возвращением чего-то очень старого и опасного.

Снаружи, чуть поодаль, стоит Марьям. Она ждала не у самых ворот – это показалось бы слишком демонстративно, слишком опасно для него и для неё. Её фигура, закутанная

в простое, но тёплое осеннее пальто, чётко вырисовывалась на фоне серой бетонной стены и грязного асфальта. Она выглядела собранно, почти по-военному: прямой спиной, руками, крепко сжимавшими термос и скромный пакет с едой (бутерброды, яблоко, что-то сытное и простое). Но в её глазах, широко открытых и неотрывно следящих за воротами, плавала немой вопрос и тревога, которую не мог скрыть даже самый строгий самоконтроль. Тревога не только за него, но и за то, что она сейчас собиралась сделать.

Они встречаются глазами. Даурен, поправляя ремень потрёпанного армейского рюкзака, замер на мгновение. Его взгляд, отвыкший от живых, не враждебных лиц, скользнул по ней, узнал, и в глубине его серых, усталых глаз что-то дрогнуло – не радость, а скорее сложная гамма: удивление, настороженность и глубокая, неподдельная усталость. Он медленно направился к ней, его походка была немного скованной, непривычной к свободе движения.

Марьям (тихо, но твёрдо, делая шаг навстречу):

– Ну, здравствуй, свобода.

Даурен (останавливается в двух шагах, его губы растягиваются в усмешку, лишённую веселья. Он поправляет ремень сумки, будто проверяя, всё ли на месте, всё ли ещё его):

– Свобода... – он выдыхает струйку пара в холодный воз-

дух. – Это пока что очень условное понятие. – Он приподнимает брови, изучая её лицо. – УДО. Ты в курсе, что это на самом деле значит? Не на бумаге, а в жизни?

Марьям (кивает, её взгляд не дрогнет):

– Это значит, что ты теперь должен быть осторожнее всех на свете. Ты ходишь по лезвию. Каждый твой вздох, каждый шаг – под микроскопом.

Даурен:

– Верно, – его голос становится низким, почти сиплым. – Один неверный шаг, одна тень, брошенная не туда... и всё. Назад. В ту же камеру, только уже без права на условность. – Он пристально, неотрывно смотрит на неё, и в этом взгляде читается не благодарность за встречу, а жёсткий, беспристрастный допрос. – Так что давай без прелюдий, Марьям. Зачем ты здесь? Зачем приехала на этот конец света, чтобы встретить меня? Не из ностальгии же.

Она выдерживает паузу, не отводя глаз. Она знала, что он будет таким – колючим, израненным, недоверчивым. Она набрала воздуха, будто собираясь нырнуть в ледяную воду.

Марьям:

– У меня к тебе просьба. Не просьба даже... а мольба. Очень серьёзная. – Она делает ещё один маленький шаг, сокращая дистанцию. – Это касается моего брата, Саяна. И...

ещё одного парня, Рустема. Они влипли. По уши. И дело не в мелких шалостях. Там всё крутится вокруг Нурлана. И, кажется, начинает выходить на уровень куда выше. Без тебя... они просто не выживут. Их или сломают, или сотрут в порошок. Они дети в этой игре, даже не понимают, за какую верёвку дёрнули.

Даурен сжимает зубы так, что выпирают скулы. Он резко отводит взгляд в сторону, туда, где возвышаются мрачные, уже закрывшиеся за его спиной ворота колонии. Кажется, они всё ещё обладают магнитной силой, тянут его к себе.

Даурен:

– Марьям... Боже. Я только что вышел. Только что сделал первый глоток воздуха, который не пахнет щами, пылью и отчаянием. Ты понимаешь масштаб того, о чём просишь? Ты зовёшь меня обратно. Прямо в ту самую грязь, из которой я только что, ценой невероятных усилий, выкарабкался. За которую я отдал десять лет жизни. Ты просишь меня снова войти в этот ад. Ради кого? Ради какого-то пацана, который, по твоим же словам, сам полез куда не надо?

Марьям (делает последний, решающий шаг, теперь она говорит почти шёпотом, но каждое слово падает, как молот):

– Понимаю. Каждое твоё слово – понимаю. И мне бесконечно стыдно это просить. Но если ты не вмешаешься сейчас, их не просто сломают. Их уничтожат. А ты... ты ведь

и сам догадываешься, кто стоит за нынешним начальством. Кто тянет ниточки. Ты же знаешь эту схему, этот почерк.

Даурен (медленно, с невероятной тяжестью, будто каждое слово вытаскивает из груди):

– Значит, вот как. Ещё не успел по-настоящему вдохнуть... и уже снова должен идти на передовую. Дратся. Рисковать этой хрупкой, бумажной свободой. Не за свою жизнь, а за чужую. За жизни глупых пацанов, наступивших на те же грабли.

Он замолкает. Тишина между ними густая, напряжённая. Ветер треплет прядь волос, выбившуюся из-под шапки Марьям.

Даурен (сдаётся, его плечи опускаются на сантиметр, но во взгляде появляется стальная решимость):

– Ладно. Чёрт с тобой. Вези меня к твоему брату. Покажи мне этих «героев». Но запомни раз и навсегда, Марьям: если я вступлю в эту игру, если я сделаю первый шаг – дороги назад не будет. Не для меня. И, что самое страшное, не для вас. Для твоего брата. Для тебя. Тень от меня длинная и чёрная. Она накроет всех, кто окажется рядом со мной. Ты готова к этому?

Марьям опускает глаза, кивает коротко, сжав губы. Слова благодарности застряли в горле – благодарить здесь было не

за что, это была сделка с самой судьбой. Она просто развернулась и пошла к своей невзрачной машине, припаркованной в стороне, понимая, что только что запустила механизм, остановить который будет невозможно

Рустем лежит на кровати в своей комнате. Сон, когда он наконец пришёл, был тревожным и прерывистым. Ему снились погони, пачки денег, превращающиеся в змей, и лицо Ерлана с его ледяной улыбкой. Когда зазвонил телефон, разрывая тишину, он вздрогнул и сел на кровати, сердце бешено колотясь. На экране – «Саян». Рустем, с трудом отлепив язык от нёба, поднёс трубку к уху.

– Алло?

Голос Саяна звучал сдавленно, будто он говорил, отвернувшись ото всех:

– Вставай. Одевайся. Выходи через пятнадцать минут, я подъеду.

– Что? Куда? – проскрипел Рустем, протирая лицо.

– Марьям хочет познакомить кое с кем. Серьёзно.

– Да ну его, мне это не надо, – буркнул Рустем, падая обратно на подушку. – Я всю ночь, как на иголках, проворочался. У меня от этих дел своих проблем выше крыши. Не до знакомств мне сейчас, честное слово.

Но Саян не отступал. Его голос стал твёрже, в нём появились нотки, не терпящие возражений. Он говорил о долге, о

необходимости, о том, что «иначе будет хуже». Он настаивал так долго и так убедительно, заглушая все попытки Рустема отказаться, что в конце концов у того просто не осталось сил сопротивляться. Было проще согласиться, чем продолжать этот изматывающий спор.

– Ладно, ладно... еду, – сдался Рустем, чувствуя, как ненавистная усталость накрывает его с головой.

В этот момент, на другом конце города, Ерлан неспешной, уверенной походкой шёл по вечерней улице. В наушниках играла какая-то электронная музыка, ритмичная и холодная. На его лице играла привычная полуулыбка. Вибрация в кармане заставила его нахмуриться. Он вытащил телефон, посмотрел на экран – неизвестный номер, но с определённым кодом. Он принял вызов, поднёс аппарат к уху, но не сказал ни слова, лишь позволил говорящему начать.

Голос в трубке (ровный, механический, без эмоций – Куратор):

– Приветствую. Нужно выполнить заказ. Крайне серьёзный. Приоритет – максимальный.

Ерлан (его лицо стало сосредоточенным, а в глазах вспыхнул азарт):

– Что нужно сделать? Детали.

Куратор:

– По адресу Нурлана необходимо забрать товар. Специфический. Оружие. И поставить по другому адресу. Точный

адрес получишь, как только товар будет у тебя в руках. Контакт на месте сам найдёт. Без лишних глаз и разговоров.

Ерлан (коротко):

– Понял. В работе.

Он завершил звонок, не прощаясь, и сунул телефон в карман. Его походка стала чуть более целеустремлённой, а в глазах загорелся тот самый огонь – огонь человека, которому доверили что-то важное, опасное и прибыльное.

Тихое кафе на окраине действительно было таким, каким его описывали – не пафосным, а простым, даже уютным в своей простоте. Запах зернового кофе, скрип деревянных стульев, тихая музыка. За столиком в углу, спиной к стене, сидели Саян и Рустем. Они не разговаривали. Саян крутил в пальцах бумажную соломинку, его взгляд блуждал по залу, выискивая угрозы. Рустем же просто сидел, опустив глаза в стол, чувствуя, как подступает тошнота от недосыпа и смутного, всепоглощающего страха перед неизвестностью.

Дверь открылась с лёгким звоном колокольчика. Вошли Марьям и... незнакомец. Даурен. Он вошёл не как гость, а как человек, осматривающий территорию. Его движения были плавными, экономичными, без лишних эмоций. Он бегом окинул взглядом всё помещение, выбрал стул так, чтобы спиной быть к углу, а обзор иметь на все входы и окна, и только потом сел напротив пацанов. Его взгляд, серый и цеп-

кий, как клещи, медленно переполз с Саяна на Рустема и обратно, изучая, оценивая, вынося безмолвный приговор.

Даурен (разрезая тяжёлое молчание, его голос низкий, без интонаций, почти холодный):

– Ну и что это за дети, ради которых меня дёрнули с ворот, не дав даже толком вдохнуть воздух на свободе?

Саян напрягся, его челюсти сжались. Он хотел что-то бросить в ответ, что-то резкое, защитное, но Марьям, сидевшая рядом с Дауреном, мягко, но властно положила руку ему на предплечье, останавливая.

Марьям:

– Это мой брат, Саян. А это Рустем, его... товарищ.

Даурен (переводит взгляд исключительно на Саяна, и в его глазах нет ни капли снисхождения):

– Брат, значит. – Он делает паузу, давая слову повиснуть в воздухе. – И ты, я смотрю, уже успел вляпаться. По самые уши. В ту же самую помойную яму.

Саян стискивает кулаки под столом, его костяшки белеют. Но он сдерживается, лишь губы его плотно сжаты. Рустем чувствует, как его собственное напряжение достигает предела, и, чтобы как-то его сбросить, кивает, как бы соглашаясь с неизбежным.

Рустем (проговаривает, едва разжимая губы):

– Мы... мы не специально. Не хотели так. Всё как-то... завертелось. Слишком быстро. Не успели опомниться.

Даурен медленно достаёт пачку дешёвых сигарет, одну, закуривает. Он затягивается глубоко, и дым стелется между ними барьером. Он щурится сквозь дым на Рустема.

Даурен:

– Никто не хочет, пацан. Никто изначально не хочет лететь в пропасть. Но все почему-то свято верят, что успеют вовремя затормозить, схватиться за край. Отскочить. – Он выдыхает длинной струёй. – Вот только в этом мире, куда вы полезли, понятия «вовремя» не существует. Опаздывают всегда. Осознают – когда уже летят вниз головой.

Он переводит свой тяжёлый взгляд на Марьям, и в нём появляется не упрёк, а скорее горькое понимание.

Даурен:

– Ты отдаёшь себе отчёт, Марьям? Ты втянула меня обратно. В ту самую грязь, из которой я десять лет отмывался. Только-только вынырнул, а ты – раз, и снова туда же.

Марьям (не опуская глаз, её голос тих, но абсолютно твёрд):

– Я отдаю. Каждую секунду. Но ты и сам знаешь – в одиночку они не выживут. Их просто сотрут. И ты знаешь, чьи это будут руки.

Пауза становится невыносимой. Даурен откидывается на спинку стула, разглядывая обоих пацанов, будто оценивая шансы некачественного товара.

Даурен:

– Ладно. Что сделано, то сделано. Раз уж я снова в игре, буду играть по-взрослому. И вы будете. Сначала – научитесь слушать. Не слышать, а слушать. Каждое слово. Каждую паузу. Потом – научитесь действовать. Без суеты, без эмоций, по приказу. Если не научитесь слушать с первого раза – умрёте раньше, чем успеете понять, за что именно получили пулю. Это не угроза. Это констатация факта.

Он резко, одним движением, гасит недокуренную сигарету в пепельнице и поднимается. Его тень накрывает стол.

Даурен:

– Поехали. Сейчас. Сначала вы покажете мне, где это вы работаете, и главное – кто вами, как марионетками, дергает за ниточки.

Рустем (неуверенно поднимаясь, в его голове мелькает единственная, ночная, выстраданная мысль):

– Но... уйти от них. Сейчас. Это же невозможно, разве нет? Они не отпустят.

Даурен оборачивается и смотрит на него таким взглядом,

от которого у Рустема холодеет внутри.

Даурен:

– Кажется, у тебя талант задавать именно те вопросы, от которых тошнит. И, судя по всему, за них ты уже успел получить по щам. Да?

Рустем, огорошенный, только кивает, не в силах вымолвить слово.

Даурен (медленно, с ледяной презрительностью):

– А почему, интересно? Да потому что по твоей роже, парень, сразу видно. Жадина. Тот, кто раз увидел лёгкие деньги и уже не может забыть их вкус. Полностью уверен, что именно из-за этого ты здесь и сидишь. И из-за этого же тебя, скорее всего, и прикончат в итоге. Если, конечно, я вовремя не отвечу тебе по ушам, чтобы мозги встали на место. Идём.

На окраине города в старом ангаре пахло бензином и железом. Воздух был густой, тяжёлый, пропитанный запахом машинного масла, старого металла и вечной пыли, поднятой колёсами грузовиков. Освещение состояло из нескольких тусклых ламп дневного света, которые мерцали, издавая назойливый гул. Под сводами из ржавых ферм гулко разносилось эхо. В углу, на ящиках из-под боеприпасов, сидело несколько парней Нурлана. Они были одеты в обычную рабочую одежду – засаленные куртки, тёмные штаны. Они лениво щёлкали семечки, сплёвывая шелуху прямо на бетонный

пол, и перебрасывались редкими, грубыми шутками, смеясь глухим, невесёлым смехом. Для них эта встреча была не более чем паузой в монотонной рутине ожидания и выполнения приказов – скучным антрактом между делами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.